

ИМПЕРИИ И ПЕРИФЕРИИ

EMPIRE AND PERIPHERY

Статья/Original article

УДК 94(369.1)

DOI: 10.18413/2312-3044-2024-11-4-337-347

К вопросу о численности кочевников в степной зоне Крыма на рубеже IV-V вв. н.э.

А.А. Внуков

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр. Ленина, 125, Россия
E-mail: artemivnukov@gmail.com

Аннотация. Данная статья, в которой ставится вопрос о корреляции имеющихся представлений о численности кочевников гуннского круга, представляется автором как первая часть серии будущих исследований по определению воинского контингента номадов в Восточной Европе. Для решения поставленной задачи автор разделяет территорию степной зоны Восточной Европы на три области. Они соответствуют историографическому представлению расселения гуннов на втором этапе их истории. Данная статья посвящена исследованию численности кочевников гуннского времени в степной зоне Крыма как части выделенной «акацирской» зоны и наиболее важной для годового выпаса скота. На основе анализа письменных и археологических источников автор выделяет три волны миграции гуннов в степной Крым: первая соответствует альпидзурам; вторая — акацирам; третья — соотносится с «царскими» гуннами, появление которых в степном Крыму следует связывать с событиями гунно-акацирского конфликта 447 года. На основе этого выделения автор приходит к выводу, что для последней четверти IV — V веков н.э. в имеющихся расчетах необходимо произвести корреляцию, т.к. для мигрирующих в регион кочевников крымские зимние пастбища на несколько десятилетий стали круглогодичными, пока

обстановка в северо-причерноморских степях окончательно не улучшилась. За два десятилетия альпидзуры возобновили свое хозяйство. Однако неизвестно, вошли ли они в конфедерацию акациров в начале V века или нет.

Ключевые слова: кочевники, гунны, Великое переселение народов, пастбища, археология, гуннское время, постгуннское время.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Для цитирования: Внуков А.А. К вопросу о численности кочевников в степной зоне Крыма на рубеже IV-V вв. н.э. *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств.* 11 (4): 337-347. DOI: 10.18413/2312-3044-2024-11-4-337-347.

Copyright: © 2024 Внуков А.А. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

To the Issue of the Number of Nomads in the Steppe Zone of the Crimea at the Turn of the 4th – 5th Centuries A.D.

Artem A. Vnukov

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
125 Lenin av., Tula, 300026, Russia
E-mail: artemivnukov@gmail.com

Abstract. This article raises the issue of correlating the available ideas about the number of nomads of the Hunnic Circle. It is presented by the author as the first part of a series of future studies to determine the military contingent of nomads in Eastern Europe. To solve the task, the author divides the territory of the steppe zone of Eastern Europe into three areas. They correspond to the historiographic representation of the Huns' settlement at the second stage of their history. This article is devoted to the study of the

number of nomads of the Hunnish time in the steppe zone of Crimea as part of the allocated “Akatsir” zone and the most important grazing area. Based on the analysis of written and archaeological sources, the author distinguishes three waves of Hun migration to the steppe Crimea: the first corresponds to the Alpidzuras; the second one corresponds to the Akatsirs, while the third wave corresponds to the “royal” Huns whose appearance in the steppe Crimea should be associated with the events of the Hun-Akatsir conflict in 447. On the basis of this selection, the author concludes that for the last quarter of the 4th - 5th centuries A.D., it is necessary to make a correlation in the available calculations, since the nomads migrating to the region used the Crimean winter pastures all the year round for several decades, until the situation in the North-Black Sea steppes finally improved. Within two decades, the Alpidzurs resumed their farming. However, it is unknown whether they joined the confederation of the Akatsirs at the beginning of the fifth century.

Keywords: nomads, Huns, Great Migration of Peoples, pastures, archaeology, Hun time, post-Gun time.

Acknowledgments: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation 23-28-01665 "Ethnocultural interaction in the ethnocontact zone of the Eastern Crimea in the first half of the I millennium AD."

For citation: Vnukov A.A. 2024. To the Issue of the Number of Nomads in the Steppe Zone of the Crimea at the Turn of the 4th – 5th Centuries A.D. *Tractus aevorum: the evolution of socio-cultural and political spaces*. 11(4): 337-347. DOI: 10.18413/2312-3044-2024-11-4-337-347.

Введение

Сочинения античных и раннесредневековых авторов – тенденциозны. Чаще всего в их текстах имеются не вполне достоверные сведения относительно численности армий и описания битв. Не каждый из этих авторов имел военный опыт, как, к примеру, Аммиан Марцеллин, а также был непосредственным участником описываемых им событий. Для усиления эффекта надвигающегося или совершившегося кризисного события древние историки значительно преувеличивали цифры, а иногда обращались к сочинениям легендарного характера. Текст Иордана «О происхождении и деяниях

гетов» является одним из ярких примеров, в котором автор скомпилировал доступные ему реальные сведения со сказаниями предшествующего его времени века. Историк церкви Павел Орозий также не избегал тенденциозных приемов, сложившихся в литературе его жанра. В большинстве переданных им событий можно заметить проведения бога. Не менее тенденциозен Зосим, который во фрагментах своего сочинения раскрывает некоторые аспекты службы гуннов западноримской аристократии. Подробно этот текст рассмотрел Э.А. Томпсон, он критически отнесся к данным Зосима о призывании 10 000 гуннов Гонорием¹. Скорее всего, как считал британский классицист, численность групп гуннов, совершавших набеги на римские провинции в начале V века, в среднем превышала 1200 человек. Примерно такую же численность могла иметь гуннская армия, нанимаемая римским правительством.

Данная статья является частью планируемой серии работ, в которых мы предпримем попытки определить приблизительную численность кочующих гуннов на территории Восточной Европы в IV-V веках н.э. В целом эта задача сложная, дело в том, что археологического материала не совсем достаточно, чтобы делать скоропостижные выводы. Однако, как представляется нам, полученный результат поможет реконструировать военно-политические события второго этапа эпохи Великого переселения народов. В этой работе мы сосредоточимся на степной зоне Крыма, т.к. об истории этого региона конца IV-V веков практически нет письменных свидетельств. Тем более степи Крыма вероятно являлись зимними пастбищами (наиболее важными для годового выпаса скота) для гуннов «акацирской» группы.

Предмет и методология исследования

Для решения поставленной задачи, в первую очередь необходимо разделить территорию степной зоны Восточной Европы на три области. Они соответствуют историографическому представлению расселения гуннов на втором этапе их истории. По И.П. Засецкой данный период времени – образование и господство гуннского племенного союза в Северном Причерноморье, – ограничивается 378-445 годами². В это время гунны делились на три вождества: первое – акациры, зимник которых находился в Танаисе, второе – «царские» гунны, кочующие между Днепром и Дунаем, третье вождество соответствует приско-иордановским альпидзурам (Prisc., fr. 1; Iord. Get., 126). Локализацию последних, судя по источникам, стоит определять в районе нижнего течения Дуная, однако надо учитывать, что именно

---

¹ Thompson 2004, 46-67.

² Засецкая 1994, 132.

эти номады приняли участие в римско-готской войне (377-382), по итогам которой часть их была расселена в Паннонии.

Таким образом, первую зону расселения кочевников стоит ограничивать с востока на запад южным бассейном рек Дон и Днепр, на юге – Азовским морем и третьей грядой Крымских гор, вторую – Днепром и Дунаем, третья зона соответствует границам Среднедунайской равнины. В общем понимании первая и вторая зона – это степная часть Северного Причерноморья.

В основу исследования положены работы А.А. Тортика, В.К. Михеева, Р.И. Кортиева³, А.М. Хазанова⁴ и Н.Н. Крадина⁵, а также предложенные ими методы расчета численности населения других древних кочевых обществ. Данный подход не противоречит принципу историзма, т.к. исследования кочевников-скотоводов доказывают консервативность номадов: их хозяйство, социальная структура более тысячелетия практически не менялись⁶.

Результаты и их обсуждение

Ранее А.А. Тортика произвел обстоятельный расчет численности кочевников-скотоводов в гуннское и постгуннское время в Крыму по предложенной им формуле:

$$\begin{aligned}\text{Числ}_{\min} &= (K_c \times Y \times P_{\text{зим}}) \div (K \times D) \\ \text{Числ}_{\max} &= K_{\max} \times \text{Числ}_{\min}\end{aligned}$$

Где:

Y – это урожайность корма (зимняя продуктивность пастбищ Крыма по А.А. Тортика – 2 ц/га).

D – период использования пастбищ (45 дней для Крымских степей);

K – потребность животных в кормах в кг или кормовых единицах (к.е.);

$P_{\text{зим}}$ – площадь зимних пастбищ (если рассматривать как замкнутую локальную пастбищную территорию, в которой только часть площадей может быть отведена под зимники в крымских степях составляет 10 000 км². При учете непригодных для выпаса скота мест, используемая территория для зимнего выпаса пастбищ будет равняться 7000 км²);

K_c – коэффициент поправки на социальное расслоение (для древних и средневековых кочевников эта величина составляет $\approx 0,0202$ Ст);

$K_{\max}$ – коэффициент максимального изъятия корма.

---

³Тортика, Михеев, Кортиев 1994, 49-61.

⁴Хазанов 2008, 60-121.

⁵Крадин 2020, 76-83.

⁶Тортика, Михеев, Кортиев 1994, 49-61.

Согласно его выводам крымские степи в качестве одного большого зимника могли обеспечить кормами стадо, необходимое для существования кочевого подразделения численностью от 35 до 50 тыс. человек. С учетом коэффициента расчета военного потенциала равного 1/5, номады могли выставить от 7 до 10 тыс. всадников. Если кочевники оказывались замкнутыми на территории полуострова, то количество всадников могло быть от 3,6 до 5,4 тыс. человек. Один зимник мог обеспечить кочевую армию контингентом от 1000 до 1600 всадников⁷. Однако это количество характерно для устойчивых в политическом плане обществ номадов, к примеру, половцев или Золотой Орды. Гунны же на первых этапах своей истории не представляли политического единства. Большая часть их мужского населения участвовала в военных столкновениях и была вовлечена в политические события того времени.

Если опираться на письменные источники, то можно с некоторой долей вероятности сказать, что на рубеже IV и V веков крымские степи могли быть подконтрольны акацирам (Prisc., *fr.* 8). Но, к сожалению, археологический материал не позволяет существенно развить это предположение, хотя в нашем распоряжении есть памятники, принадлежавшие именно гуннам восточной группы. Это известные погребения у села Калинино (Красногвардейский район), гора Клементьевка, Марфовка⁸, городищ Беляус⁹, Усть-Альма¹⁰ и др.

Разрушенное впускное погребение в кургане у с. Калинино было найдено в 1959 г., на глубине 1 м. от поверхности. От костяка сохранилось лишь затылочная кость черепа. В погребении также зафиксированы кости лошади. Могильный инвентарь состоял из трех экземпляров наконечников ремней, прямоугольной формы с округлым концом и вставкой альмандина, двух прямоугольных и двух фигурных накладок от уздечного набора, одной бронзовой пряжки с подвижным язычком и других фрагментов пряжек, золотых украшений инкрустированных альмандином, а также обрывка листа с чешуйчатым орнаментом и пр. находок¹¹. А.И. Айбабин синхронизирует это захоронения с комплексами из Керчи первой половины V в.¹²

В окрестностях г. Феодосии (г. Клементьевка) случайно было обнаружено погребение, характер захоронения которого неизвестен. Вещи из погребального инвентаря представлены тремя крестовидными

---

⁷Тортика 2016, 210-240.

⁸Засецкая 1994, 176-178 (Табл. 22, 23, 24, 26); Застрожнава, Шаров 2017, 395-410.

⁹Дашевская 2003, 160-163.

¹⁰Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999, 194-207; Труфанов, Зайцев, Шкрибляк 2023, 194-207.

¹¹Засецкая 1994, 176-178.

¹²Айбабин 2019, 47-61.

бляшками-накладками, наконечником ремня, двумя ромбовидными и двумя прямоугольными накладками¹³.

Марфовский клад – это богатое женское впускное захоронение в каменной гробнице. Как и большинство погребений кочевников, был обнаружен местным населением в 1925 году. Доследован был директором Керченского Археологического музея Ю.Ю. Марти в 1926 году. В годы Великой Отечественной войны клад был утрачен. Сведения о нем хранятся в архивном деле ИИМК РАН, которое опубликовано Е.Г. Застрожной и О.В. Шаровым в 2017 году¹⁴. Среди предметов инвентаря особо стоит отметить два золотых котла со вставками камней и орнаментом из зерни, золотую на бронзовой основе диадему со вставками сердолика, а также стеклянную чашу округлой формы, со слегка отогнутым краем и орнаментом в виде синих овальных выпуклостей. Марфовский клад включен И.П. Засецков в памятники первой хронологической группы (ХГЗ-1а), которая датируется ей последней четвертью IV – первой половиной V вв.¹⁵. Не противоречат этой датировки выводы М.М. Казанского и А.В. Мاستыковой¹⁶, которые связали этот памятник с Восточной группой кочевнических древностей¹⁷. А.И. Айбабин марфовский клад датирует концом V в. н.э., по стеклянному стакану с синими каплями типа I-E и по золотым пряжкам широкой пластинчатой рамкой. Первое и второе погребение из Беяуса и захоронение на некрополе Усть-Альма по пряжкам и полихромным накладкам А.И. Айбабин датирует, как и комплекс из Калинина, первой половиной V века¹⁸.

На некрополе Усть-Альминского городища было выявлено пять погребений гуннского времени. Среди погребального инвентаря только три соответствуют рассматриваемому периоду, т.е. концу IV – первой половины V веков. В первом – мужском погребении (юноша 15-18 лет, монголоидного происхождения) имелись детали конской сбруи стилистически соответствующие находкам из могилы IX у с. Новогригорьевка, у г. Мелитополя, с. Задвиженское и с. Калинино (ХГЗ-1а, ХГЗ-1б). Второе – женское с монголоидными признаками, совершенное в склепе № 1313, исследователями датируется первой половиной V в., третье – принадлежит мужчине 20-25 лет, череп которого имел признаки искусственной деформации без монголоидных признаков. Археологами погребение датируется IV – первой половиной V в. н.э., но нельзя исключать, что оно было совершено в пределах

---

¹³Засецкая 1994, 176-178.

¹⁴Застрожная, Шаров 2017, 395-410.

¹⁵Засецкая 1994, 116

¹⁶Казанский, Мاستыкова 2009, 123.

¹⁷Там же 124-125; Застрожная, Шаров 2017, 408.

¹⁸Айбабин 2019, 47-61.

первых трех четвертей IV столетия¹⁹. Оно вполне себе могло принадлежать выходцы из аланской среды.

На городища Беляус археологами выявлено три гуннских захоронения, все они принадлежат детям. В отличие от А.И. Айбабина, начальник Донузловской экспедиции ИА РАН О.В. Дашевская датировала эти памятники IV – первой половине V веков²⁰. Первое, сопровождавшееся шкурой коня, было совершено на Беляусском некрополе в античном каменном склепе, второе было впущено в большую зерновую яму II в. до н.э. Третье парное погребение было выявлено у стены и представляла собой грунтовую могилу. И хотя О.В. Дашевская датировала эти памятники одним временем, она все же указала на неоднородность гуннской «орды»²¹. На самом деле однозначно отнести эти три памятника к единому времени достаточно сложно. Сама автор раскопок отмечает синхронность второго погребения марфовским находкам по уже отмеченному и идентичному типу кубка с синими каплями. Третье погребение можно синхронизировать с комплексом Шипово, аналог витой гривны которого имеется на Беляусе²². Шиповский комплекс по И.П. Засецкой входит во вторую хронологическую группу (ХГЗ-2) и датируется второй половиной V – началом VI в²³. Первое же впущенное в склеп исследователями однозначно датируется первой половиной V века.

В связи со всем вышесказанным, надо отметить, что недавно М.М. Казанский высказал примечательную гипотезу, что «склеповые» и пещерные захоронения степняков гуннского времени соотносятся с условной «акацирской», к востоку от Днепра группой²⁴. Мы в свою очередь ранее отмечали, что подобные захоронения могли быть оставлены альпидзурами. Возможно, на Беляусе мы имеем дело с представителями трех волн проникновения кочевников в степной Крым. Первая самая ранняя соответствует альпидзурам (первое захоронение и синхронные ему памятники Усть-Альминского городища), которые в 376 году были согнаны «царскими» гуннами с их пастбищ в Северном Приазовье, вторая волна – акацирам (второе погребение Беляуса и марфовский клад), которые в степной зоне Крыма появилась, вероятнее всего в начале V века. Эта группа кочевников продвигалась по Великой степи вслед за «царскими» гуннами. Третья волна – соотносится с «царскими» гуннами и ее появление в степном Крыму следует связывать с событиями гунно-акацирского конфликта 447 года, когда по жалобе Куридаха, Аттила

---

¹⁹Труфанов, Зайцев, Шкрибляк 2023, 194-207.

²⁰Дашевская 2003, 160-163.

²¹Там же, 163.

²²Там же.

²³Засецка 1994, 126.

²⁴Казанский 2022, 129-135.

подчинил себе акацирских вождей и назначил им в управление собственного сына.

Заключение

Соответственно, из всего этого можно предположить, что на рубеже IV-V веков в степном Крыму с учетом кризисной обстановки не мог находиться контингент кочевников численностью 35-50 тысяч человек, и их не могло быть и вдвое меньше. Племенное объединение альпидзуров было расколото на несколько групп, которые ушли не только в крымские степи, но и предпочли вместе с готами отправиться за Дунай, где они стали участниками новых военных действий. Следовательно, для последней четверти IV – V веков н.э. в расчетах А.А. Тортика необходимо произвести корреляцию, т.к. для мигрирующих в регион кочевников крымские зимние пастбища на несколько десятилетий вероятнее всего стали круглогодичными, пока обстановка в северо-причерноморских степях окончательно не улучшилась. За два десятилетия мигрирующие в этот регион кочевники возобновили свое хозяйство. Однако мы точно не знаем, вошли ли они в конфедерацию акациров в начале V века или нет. О численности мигрирующих гуннов мы можем только догадываться, хотя приблизительный расчет произвести возможно. Однако это остается вопросом будущих исследований.

Библиография

- Айбабин, А.И. 2019. Гунны в равнинном Крыму. *Нижеволжский археологический вестник* 18 (2): 47-61.
- Дашевская, О.Д. 2003. Третье захоронение гуннского времени на Беляусе. *Российская археология* 1: 160-163.
- Засецкая, И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.)*. СПб.: АО «Эллипс».
- Застрожнова, Е.Г., Шаров, О.В. 2017. «Марфовский клад» 1925 (публикация архивных материалов). *Stratum plus* 4: 395-410.
- Казанский, М.М. 2022. Гуннские погребения в античных склепах и свидетельство Аммиана Марцеллина. *Боспорские Чтения. XXIII. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное*: 129-135.
- Казанский, М.М., Мاستыкова, А.В. «Царские» гунны и акациры. *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*: 114-126.
- Крадин, Н.Н. 2020. *Империя хунну*. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П. Неневоля, И.И. 1999. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике. *Херсонесский сборник*. X: 194-207.
- Тортика, А.А. 2016. Историческая география кочевников Крыма во второй половине V – начале VII вв.: экология хозяйства и численность населения. *Боспорские исследования. XXXIII*: 210-241.

- Тортика, А.А., Михеев, В.К., Кортиев, Р.И. 1994. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ. *Этнографическое собрание 1*: 49-61.
- Труфанов, А.А., Зайцев, Ю.П., Шкрибляк, И.И. 2023. Два погребения эпохи Великого переселения народов из раскопок Усть-Альминского некрополя в 2022 году. *Краткие сообщения института археологии 273*: 229-243.
- Хазанов, А.М. 2008. *Кочевники и внешний мир*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Ярцев, С.В., Внуков, А.А. 2022 К вопросу о появлении гуннского союза племен в Северном Приазовье в 360-е г. н.э. *Историческая бюллетень 5(6)*: 66-72.
- Ammianus Marcellinus. 1978. *Rerum Gestarum libri qui supersunt. Libri XXV*. Leipzig: B. G. Teubner.
- Iordanes. 1881. *Romana et Getica*. MGM Auct. Antiquiss. T.V. Berlin: Weidmannos.
- Priscus. 1851. *Panites. Fragmenta. Fragmenta Historicorum Graecorum*. Paris: Editore Ambrosio Firmin Didot: 69-110.
- Thompson, E.A. 2004. *The Huns*. Oxford: Blacwell Publishing Ltd.

References

- Aibabin, A.I. 2019. Gunny v ravninnom Krymu. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. 18 (2)*: 47-61. (In Russian).
- Dashevskaja, O.D. 2003. Tret'e zakhoronenie gunnskogo vremeni na Beliause. *Rossiiskaia arkheologija 1*: 160-163. (In Russian).
- Zasetskaia, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuuiu epokhu (konets IV-V vv.) [The culture of the nomads of the South Russian steppes in the Hunnic era (late IV-V centuries)]*. Saint Petersburg: AO «Ellips». (In Russian).
- Zastrozhnova, E.G., SHarov, O.V. 2017. «Marfovskii klad» 1925 (publikatsiia arkhivnykh materialov). *Stratum plus 4*: 395-410. (In Russian).
- Kazanskii, M.M. 2022. Gunnskie pogrebeniia v antichnykh sklepakh i svidetel'stvo Ammiana Martsellina. *Bosporskie CHteniiia. XXIII. Bospor kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sakral'noe i material'noe*: 129-135. (In Russian).
- Kazanskii, M.M., Mastykova, A.V. 2009. «TSarskie» gunny i akatsiry. *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem*: 114-126. (In Russian).
- Kradin, N.N. 2020. *Imperiia khunnu [The Xiongnu Empire]*. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. (In Russian).
- Puzdrovskii, A.E., Zaitsev, IU.P. Nenevolia, I.I. 1999. Pogrebenie voina gunnskogo vremeni na Ust'-Al'minskom mogil'nike. *KHersoneskii sbornik X*: 194-207. (In Russian).
- Tortika, A.A. 2016. Istoricheskaia geografiia kochevnikov Kryma vo vtoroi polovine V – nachale VII vv.: ekologija khoziaistva i chislennost' naseleniia. *Bosporskie issledovaniia XXXIII*: 210-241. (In Russian).
- Tortika, A.A., Mikheev, V.K., Kortiev, R.I. 1994. Nekotorye ekologo-demograficheskie i sotsial'nye aspekty istorii kochevykh obshchestv. *Etnograficheskoe sobranie 1*: 49-61. (In Russian).

- Trufanov, A.A., Zaitsev, I.U.P., SHkribliak, I.I. 2023. Dva pogrebeniia epokhi Velikogo pereseleniia narodov iz raskopok Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2022 godu. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii* 273: 229-243. (In Russian).
- Hazanov, A.M. 2008. *Kochevniki i vneshnii mir [Nomads and the outside world]*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU. (In Russian).
- Yartsev, S.V., Vnukov, A.A. 2022 K voprosu o poiavlenii gunnskogo soiuzha plemen v Severnom Priazov'e v 360-e g. n.e. *Istoricheskaia biulleten'*. Vol.5(6): 66-72. (In Russian).
- Ammianus Marcellinus. 1978. *Rerum Gestarum libri qui supersunt. Libri XXV.* Leipzig: B. G. Teubner.
- Iordanes. 1881. *Romana et Getica.* MGM Auct. Antiquiss. T. V. Berlin: Weidmannos.
- Priscus. 1851. *Panites. Fragmenta. Fracmenta Historicorum Graecorum.* Paris: Editore Ambrosio Firmin Didot: 69-110.
- Thompson, E.A. 2004. *The Huns.* Oxford: Blacwell Publishing Ltd.

Об авторе

Внуков Артем Андреевич, ассистент кафедры истории и археологии Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия. ORCID: 0000-0002-4051-0190.

About the author

Artem A. Vnukov, Assistant of the History and Archaeology department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia. ORCID: 0000-0002-4051-0190.

Поступила в редакцию: 08.12.2024

Submitted: December 8, 2024

Принята к публикации: 22.12.2024

Accepted: December 22, 2024